

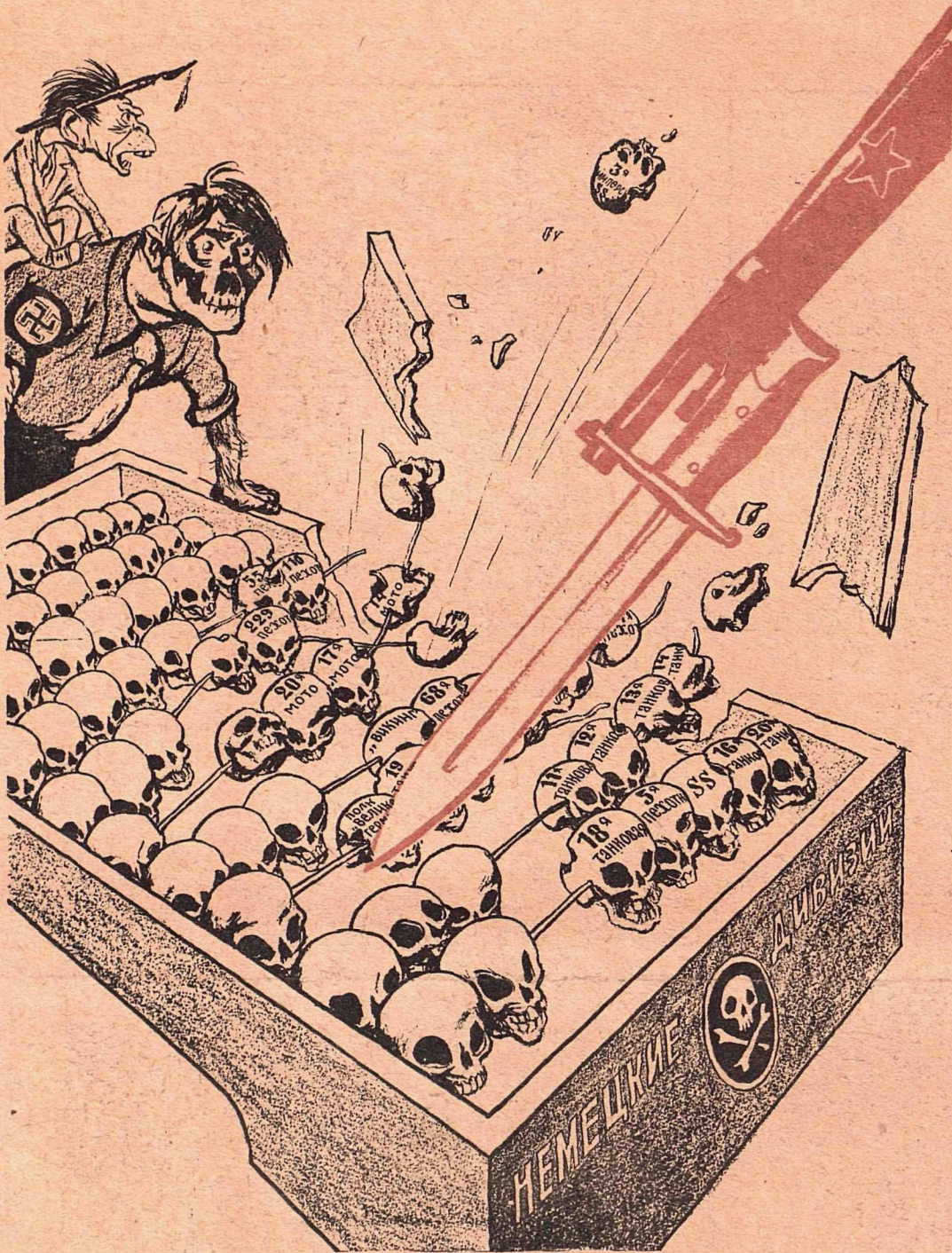
К Р О К О Д И Л

К 556/415

Рис. Ю. Ганфа

Осенний листопад.

Сброшено со счетов.

Фашистские арии и подпольные комментарии

Фашисты храбро врут в эфир:
«Мы побеждаем! Мы довольны!»
Но слышит ясно целый мир
Поправки станции подпольной.

* * *

Гebbельс.
Народы побежденных стран
Нам все помочь спешат ретиво,
И дружная семья славян...
Голос.
Нас лунит с тыла, в хвост и в гриву.
Гebbельс.
Потери русских велики,
Мы их воздушный флот разбили,
И летчики-большевики...

Голос.
Вчера опять Берлин бомбили.
Гebbельс.

Итог двухмесячный таков:
Растут и крепнут наши силы,
И гитлеризм в конце концов...

Голос.
Допобедится до могилы.
Гebbельс.
Нам кто-то здесь мешает. Стоп!
Оркестр, давайте марш скорее!
На этом мы кончаем. Стоп!..

Голос.
Но завтра врать еще наглее.

НИК. АДУЕВ

Будет жарко!..

ШАПКИ бывают разные: меховые, суконные, с наушниками, без наушников.

А еще бывают шапки — краденые. Этот фасон головных уборов более всего нравится фашистам.

Они еще недавно, совсем недавно, хлопая в ладоши, кричали на весь мир:

— В две — три недели кончим войну! Шапками закидаем Красную Армию!

Но вышло совсем по-иному. И, кроме всего прочего, оказалось, что шапок-то у немцев маловато. Так что кидаться шапками не придется.

Командование 16-й германской армии издало недавно приказ, в котором славному арийскому воинству рекомендуется молниеносно заняться кражей шапок.

«Условия русского климата, — говорится в приказе, — требуют своевременных и планомерных мероприятий по обеспечению войск зимним обмундированием».

Что же это за своевременные и планомерные мероприятия?

«Любими средствами должна быть захвачена меховая одежда всех видов: жакеты, жилеты, сапоги, перчатки, рукавицы и шапки».

Любими средствами... На немецко-фашистском блатном жаргоне это означает:

— Зима приближается, пора начать грабить рукавицы, шапки.

Итак, гитлеровская грабь-армия получила новую директиву: надо временно прекратить стремительные атаки на дамские туфли и мужские кальсоны, а сосредоточить весь удар на жакетах и жилетах, рукавицах и ушанках.

Зачем вдруг понадобились немцам все эти предметы зимнего ширпотреба?

Турецкая газета «Ени асыр» дает ответ на этот вопрос:

«Зимняя кампания — самый неприятный сюрприз для немцев. Немецкие газеты несколько недель тому назад считали смешным даже говорить о такой возможности».

Несколько недель тому назад они еще смеялись. Фюрер обещал, что...

Все знают, что фюрер обещал. Он многое обещал. Но в этих обещаниях ни слова, конечно, не говорилось о русских морозах.

А фашисты знают: зима настроена против них. О, эти русские, неарийские морозы! Эти суровые, антифашистские метели!..

Ничего не поделаешь: придется немцам поближе познакомиться с нашей зимой. И встреча эта будет далеко не дружественной. Еще ни разу русская зима не встречала по-приятельски захватчиков и грабителей.

Они думают защищаться от снегов и метелей краденными жакетами и награбленными шапками. Но русская пословица говорит: «Чужая шуба не греет». В особенности, если эта шуба пробита советской пулей.

Зимние перспективы сильно тревожат немцев. Газета «Винер тагблат» с беспокойством отмечает:

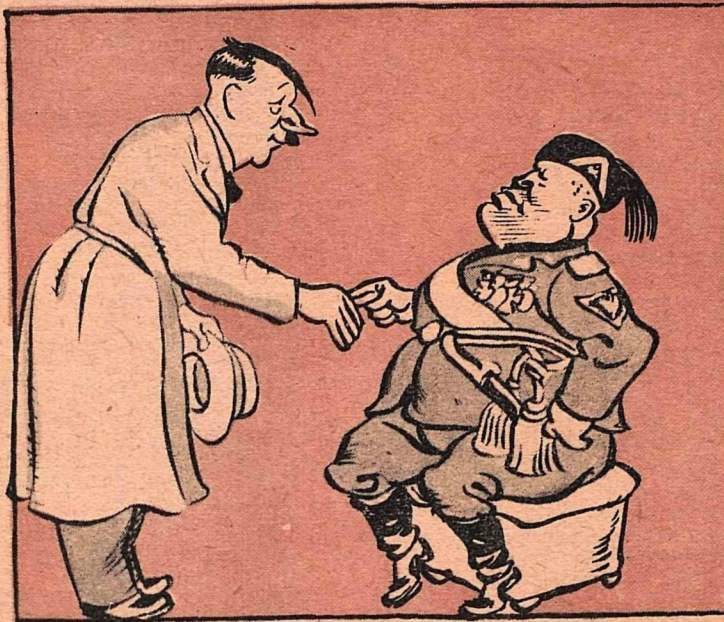
«Во всей остроте встает квартирный вопрос на восточном фронте. Там сожжены и разрушены города и села. Где же будут жить зимой наши солдаты?»

Можем успокоить фашистскую газету. Немецких офицеров и солдат будут согревать наша артиллерия, авиация, танки, пехота и кавалерия.

Уверяем вас, будет жарко!

Г. РЫКЛИН

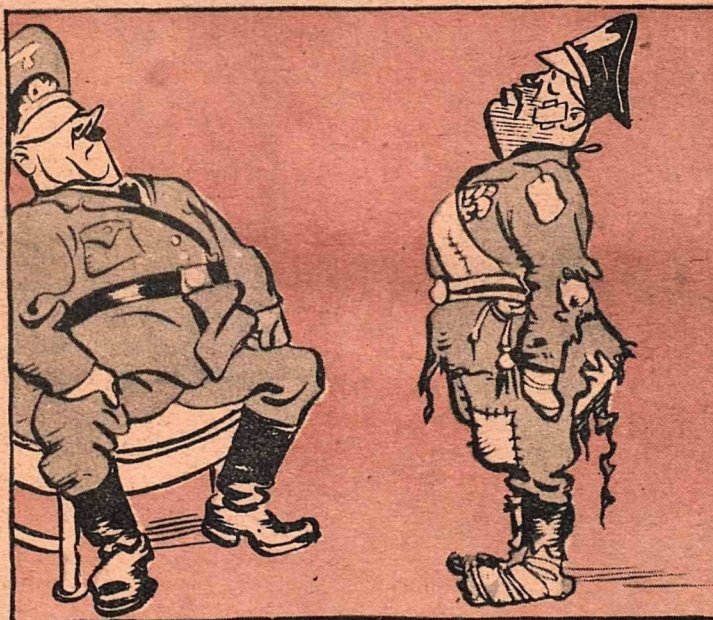

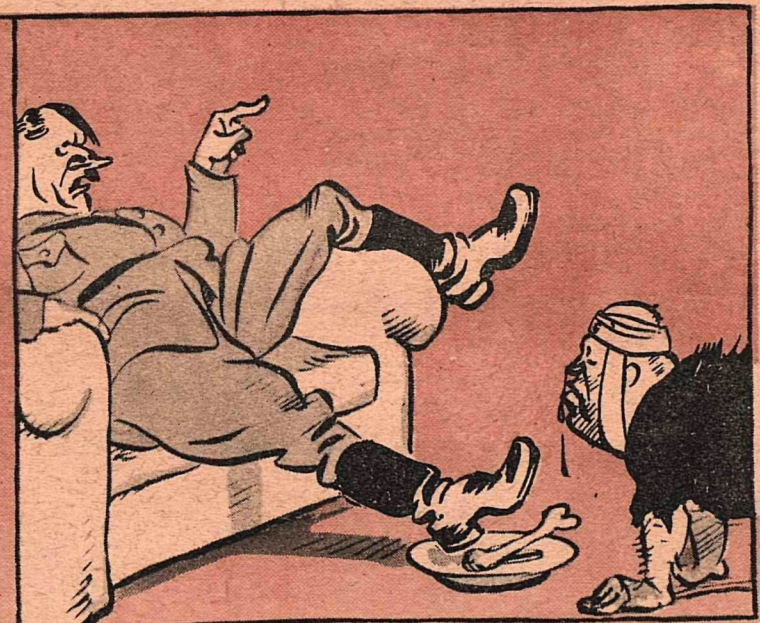
Свидание в Венеции.

Свидание в Бренере.

Свидание в Мюнхене.

Свидание в ставке.

Бор. Ефимов - 41

Ночью да в лесочке

(Партизанская песня)

На штыках луна сверкнула
Паутиной золотой,
Снова в тучах потонула —
Непрогляден лес густой.
Засакали днем недаром
Огневые точки,
По противнику ударим
Ночью да в лесочке.
Тут мы дома,
Нам знакомы
Все кусты-кусточки,
Не жалея,
Бей злодея
Ночью да в лесочке!

Подорвала танк граната,
Поливает пулемет.
Эй, фашист, пришла расплата,
Штык пощады не дает!
Нас разбойники не ждали
На лесной дороге,
На советский штык пощали —
Вытянули ноги.
Тут мы дома,
Нам знакомы
Все кусты-кусточки,
Не жалея,
Бей злодея
Ночью да в лесочке!

Хаты немцы разбомбили,
У детей отняли кров,
Матерей и жен убили,
Смерть за смерть, и кровь за
кровь!
Наши земли немец занял,
Враг под Ленинградом.
Весь народ запартизанил,
Стал большим отрядом.
Тут мы дома,
Нам знакомы
Все кусты-кусточки,
Не жалея,
Бей злодея
Ночью да в лесочке!

Нас скрывает глушь лесная,
По родным идем местам,
Помогает тьма ночная,
Мы, как ветер, здесь и там.
Партизанские отряды
Не стоят на месте.
Не уйдут фашисты-гады
От народной мести.
Тут мы дома,
Нам знакомы
Все кусты-кусточки,
Не жалея,
Бей злодея
Ночью да в лесочке!
СЕРГЕЙ АЛЫМОВ

Рис. Б. Клинка

Гусь

НА ФРОНТЕ я нахожусь с самого первого дня. Как только Гитлер взбесился и на нас кинулся, меня тотчас вызвали в райвоенкомат и сказали:

— Кузьма Иванович, возьмите винтовочку и приведите этого кровавого людоеда к одному знаменателю.

— Есть!— сказал я.

И с тех пор воюю. Пока—слава огурцу!— жив, здоров, чего и вам желаю.

На фронте я всего посмотрелся, всего наслушался—много пришлось наблюдать разных замечательных случаев жизни.

Наш политрук мне сказал:

— Товарищ Ветерков, парень ты разбитной, бывалый—мы тебя назначаем писателем нашего подразделения. Пиши про нашу боевую жизнь.

— Какой я писатель?!—говорю я политруку.

— Ничего, Ветерков. Николай Васильевич Гоголь тоже с таких заметочек начинал. Давай пиши.

Приказ дан—надо писать.

На первый раз я хочу вам описать, как мы с бойцом Шмельковым ловили немцев «на гуся».

Нас со Шмельковым лейтенант послал в разведку достать «языка».

Пошли. Идем лесом, ступаем так, чтобы ни одна веточка не хрустнула под ногами.

Выходим на опушку. Видим: домик, а перед домиком, словно часовой, ходит здоровый гусак.

Командир—Шмелькову:

— Подползи, посмотри, кто в домике.

Шмельков подполз, заглянул в окошко, машет мне рукой:

— Никого!..

Тут меня и осенило:

— Ну-ка, Шмельков, говорю, давай лови гуся!

Шмельков обижается:

— Нам немца надо ловить, а не гуся!

— Давай не разговаривай. Заходи к гусаку с левого фланга, я пойду с правого, возьмем его в окружение!

Гусак оказал нам ожесточенное сопротивление и даже один раз ущипнул Шмелькова в тыл, но мы его одолели. Сунул я гусакову голову к себе подмышку, чтобы он не кричал, пробираемся дальше.

Шмельков ворчит:

— На чорта нам этот дурак лапчатый сдался?

— Молчи. Там увидишь.

Подобрались к большаку, залегли в кусточки, достал я бичовочку, привязал гусака за ногу и пустил гулять по дороге.

— Это зачем же ты гуся на цепь посадил?—шепчет Шмельков.

— Фашиста будем на живца ловить.

Лежим час—не клюет. Потом слышим: тархтит мотоцикл. В мотоцикле два немца.

Шепчу Шмелькову:

— Будь готов!

Расчет мой оказался верным. Как только немцы увидели гуся, они свою таратайку остановили, один остался в машине, а другой кинулся гусака ловить.

Бежит и кричит:

— Дер ганс! Дер ганс! (Гусь! Гусь!)

Только он этого дерганса за хвост уцепил, тут я на него и надел!

А другого Шмельков прикладом пришиб. Маленько не рассчитал—окачурился немец.

Сели мы после этого происшествия в немецкий мотоцикл, посадили туда «языка» и айда домой, к себе в часть.

Остаюсь с уважением боец-писатель

Кузьма ВЕТЕРКОВ

— Господин полковник, партизан же оружием.

— Ну, что ж! Сообщите в сводный журнал о приобретении нового оружия.

Рис. В. Козминского

В некоторых оккупированных странах рабочие проводят «неделю медленного труда».

— Почему такие овации?

— Как же, старик проявил настоящий патриотизм: выполнил норму всего лишь на два процента.

В ШВЕ

Рис. К. Елисеева

— Вот доброволец в войсках.
— Почему такая спешка?
— Он может протрезвиться.

ны разбили нас захваченным у нас
те о блестящей победе германского

ции

а СС. Скорей запишите его.

Кушать подано

КАЖДЫЙ немец, независимо от того, чистокровный он ариец или, не дай боже, «полукровка», желает ежедневно обедать. К его услугам ресторан с самым разнообразным эрзацменю.

Эрзацмясо, эрзацрыба в эрзацтомате, эрзацсосиски с кружкой эрзацдоброго эрзацпива... Однако и этот эрзацобед с недавних пор начал становиться поперек немецкого горла.

Представьте картинку. Входит в ресторан этакий тощий, болтающийся в некогда плотном костюме немец. Садится за столик, двигает карточку:

— Ну-с... Что сегодня из заменителей?..

Не успевает взор остановиться на «свиной котлете», не успевает рука поманить кельнера, как вдруг псд потолком слышится бодрый голос радиодиктора:

— Внимание! Слушайте информации...

Стой! Каждому посетителю ресторана известно, что он должен делать в этом случае. Согласно последнему распоряжению Геббельса, он должен моментально замереть и предаться в полной тишине самому внимательному и всеобщенному слушанию выходящих из рупора известий.

Итак, «слушайте информации», а «свиная котлета из эрзацсвиньи» — после.

Сколько времени продолжается информация? Пять минут? Или пять часов?

Но вот, кажется, кончилось. Зал ожил. Застучали ножи.

— Кельнер! Пожалуйста, поскорее... одну так называемую «свиную котлету» и кружку пива... Покорее!

Кельнер кидается к буфету. Вот он уже снова у стола и быстро разгружает поднос.

— Одна котлета, одно пи...

Нет, не успел!..

— Внимание! Только что поступило изве-

стие с восточного фронта. Нашим доблестным унтер-офицером 665-го полка Карлом Ошметке захвачен полностью русский полк глухонемых. Все пленные глухонемые в один голос заявляют: «Мы не хотим воевать с Германией, мы...»

А между тем котлета — пусть не настоящая свинья, но все же горячая котлета из брюквы «под свинью» — дымит перед носом несчастного посетителя. Глаза лезут на лоб, в желудке урчит... Ах, проклятая информация! Но нельзя показать вида... Надо изобразить такое же восторженное внимание, как на привычном лице кельнера.

И как только высказался последний глухонемой, чье выступление «вы слышали сейчас перед микрофоном», посетитель хватается за котлету, хватается пиво и мчится к выходу:

— Виноват... Разрешите пройти... Я на поезд... Мне дурно...

Но нет конца неиссякаемой фантазии Геббельса...

Посетитель с котлетой и пивом перехватывается у самой двери и приговорается к месту зычным радиодиктором:

— Внимание! С фронта сообщают, что, по точному подсчету, взято в плен в особом ударном женском батальоне не тысяча русских, как сообщалось утром, а тысяча пятьсот, так как пятьсот женщин тут же родили младенцев. Все пленные младенцы в один голос заявляют: «Мы не хотим воевать с Германией, мы...»

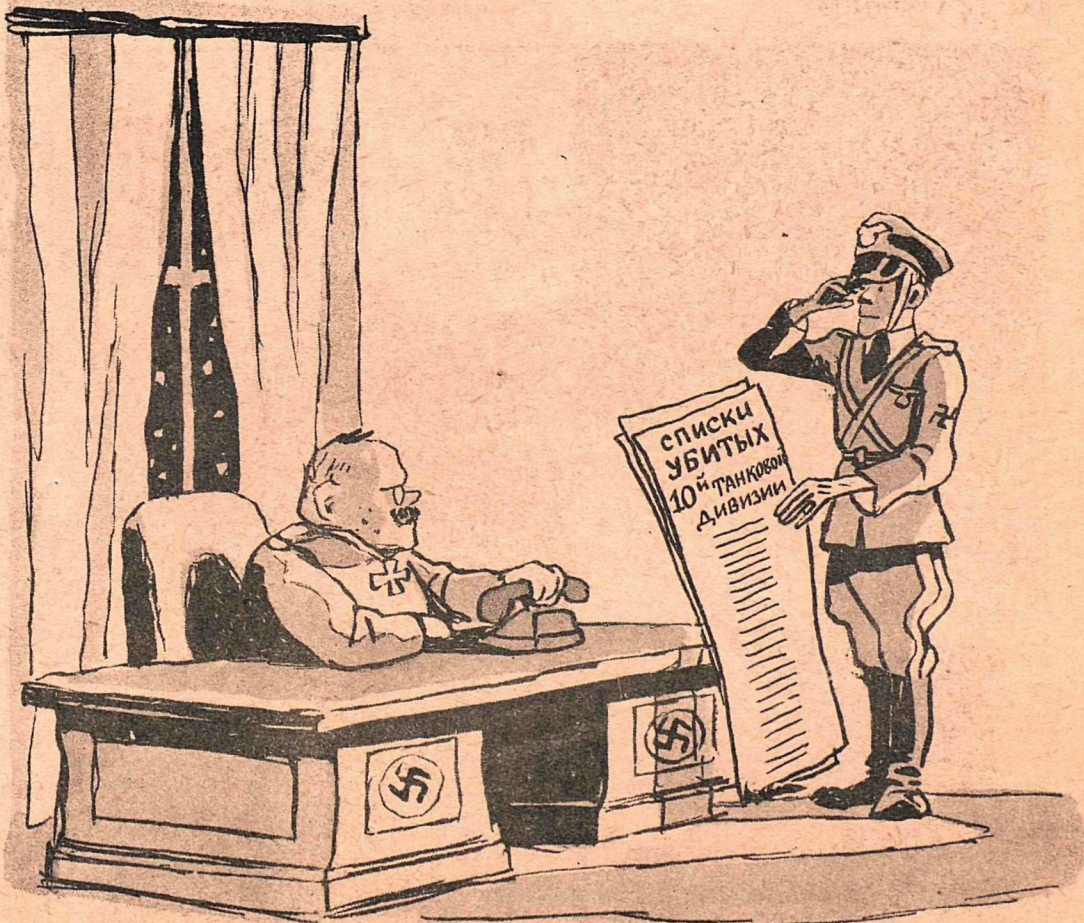
Несчастный посетитель ресторана оказывается в чьих-то руках. Его ведут. Он слышит суровый голос:

— Ваша фамилия? Вы только что во время информации демонстративно пили пиво и даже лили его себе на голову. Вы арестованы!..

Ив. ПРУТКОВ

ПОСЛЕ ОЧЕРЕДНОГО НАСТУПЛЕНИЯ

Рис. Евгана

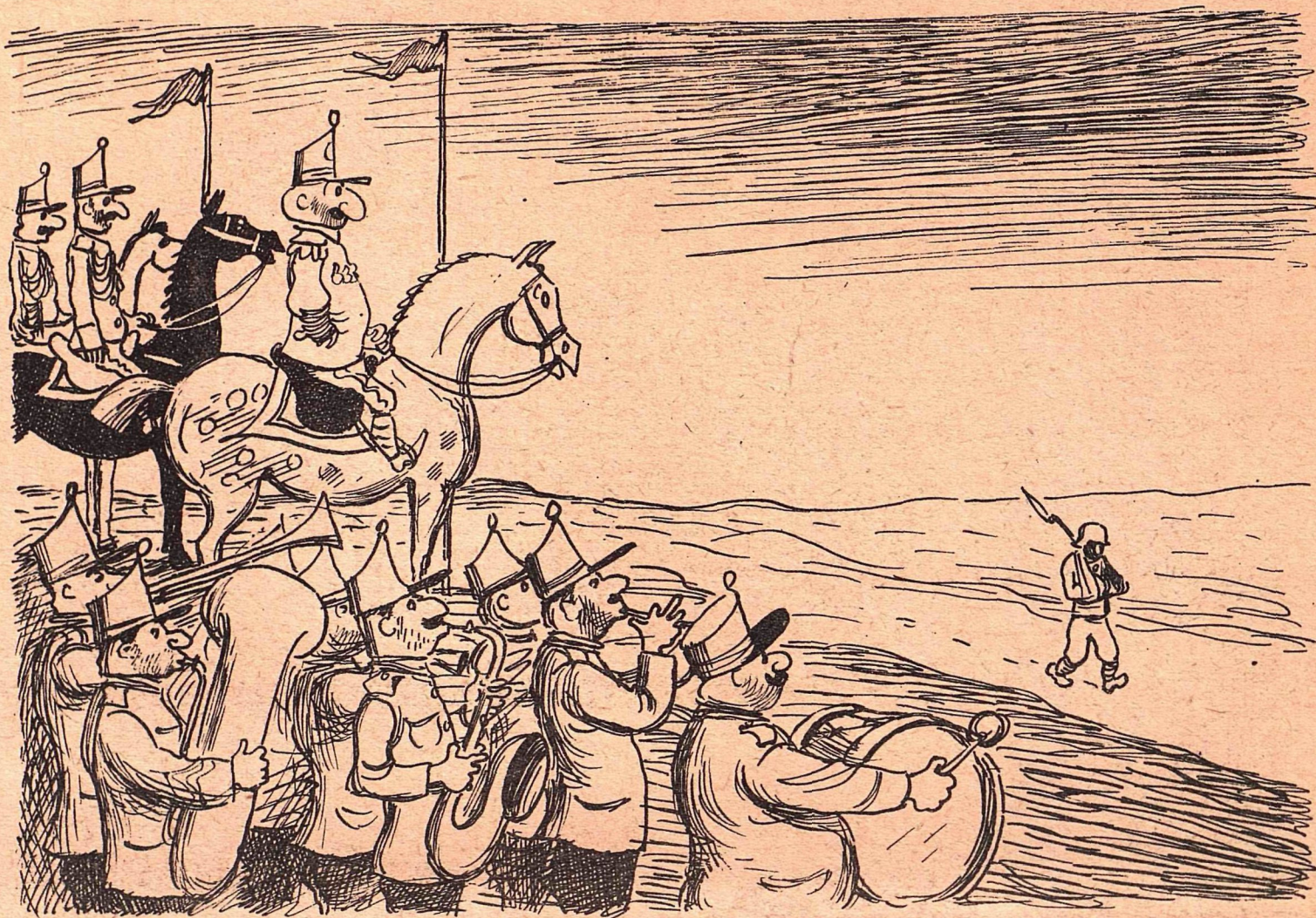

— По вашему приказанию список личного состава десятой танковой дивизии доставлен.

— Я же просил дать мне подлинник!

— К сожалению, подлинника нет, осталась только копия.

Рис. Н. Радлова

Торжественный смотр румынской егерской дивизии после боя.

Одиночество

(Этюд во вкусе бывшего Гамсуна)

СЕРОЕ утро. В фиордах еще клубятся тени. Они клубятся и не хотят уходить, хотя знают, что солнце придет неизбежно.

Он еще спит, Квислинг, руководитель норвежских фашистов. Он спит на своей кровати, в своем доме. И немецкая охрана всю ночь дежурит на улице. Квислинг спит, и ему снится... Ему снится, что немцы покинули Норвегию. Совсем покинули. И он, Квислинг, стал вполне самостоятельным фюрером.

Но тут трещит будильник. Пора вставать. Утро холодное; вместе с холодом возникают холодные и неприятные мысли о том, что происходит на самом деле...

— Автомобиль подан?

Старый Йоганнес два раза пожимает плечами и разводит руками. Ему очень неприятно огорчать своего шефа, но он должен сказать, что горячего нет, потому что вчера немцы вывезли последние остатки горячего туда, на русский фронт... Квислинг закутывается в шарф, надевает теплое пальто и выходит на улицу.

По улице идут редкие прохожие. Никто не улыбается, нигде не слышно смеха. «Это придет потом, когда мы победим», — так думает Квислинг. Тут он замечает своего знакомого врача — господина Педерсона.

Квислинг широко улыбается и кричит:

— Доброе утро, господин Педерсон! Не правда ли, погода сегодня настоящая осенняя, что?

Педерсон не отвечает. Он проходит не-

сколько наискось и скрывается за углом. Такой смешной этот доктор Педерсон! Он, кажется, близорук? Да, несомненно, близорук и не хочет носить очки.

Квислинг идет дальше. На углу он сталкивается носом к носу с фру Сэйер.

— Доброе утро, фру Сэйер! Вам не холодно в этом легком костюме?

Фру Сэйер отводит глаза.

— Почему вы отворачиваетесь, дорогая фру? Ведь мы с вами давно знакомы...

Фру Сэйер отрицательно качает головой:

— Не думаю, чтобы мы были знакомы. Среди моих знакомых нет человека, который продался бы немцам...

Так как Квислинг не ожидает этого ответа, то он еще успевает сказать, перебив фру Сэйер:

— Как поживает ваш муж?

— Он в концлагере, мой муж. Вы, наверное, знаете, как там поживают.

Он стоит по крайней мере пять минут, глядя вслед своей бывшей знакомой.

Ну, сегодня улицы полны знакомыми. Да, да, конечно, это она, фрекен Андреа. Вот эта носит очки и сильно двигает плечами на ходу для того, чтобы показать, что несмотря на очки она не лишена кокетства.

— Доброе утро, фрекен Андреа! Что вы скажете об этой холодной погоде?

Фрекен смотрит ему прямо в лицо и отворачивается.

— Вы что, слепая? Почему вы не отвечаете на поклон?

— Именно потому, что я не слепая, — говорит фрекен и отворачивается.

Нет, теперь он не остановился на улице: он прибавил шагу, он идет быстро. И если видит кого-нибудь из знакомых, то отворачивается, а смотрит только на незнакомых.

Однако некоторые из незнакомых тоже отворачиваются. Ага, вот этот парень улыбается, глядя на него! С ним стоит заговорить!

— Ну что, парень? Ты, я вижу, знаешь меня.

— Знаю.

— И ты улыбаешься мне. Ты рад меня видеть, что?

— Ничего я не рад, а улыбаюсь я тому, что у вас на спине мелом нарисована буква «V».

Квислинг поскорее ныряет в подъезд. Там, в полутьме, он снимает пальто и рукавом, ногтями, слюною старается оттереть эти две черточки, нарисованные под углом в сорок пять градусов: латинское «V» — «victoire» — победа антифашистов во всем мире.

Парень заблуждался: это не мел, а известь, гашеная известь. Чистить нужно долго. Он совсем один сейчас. Никого. Одиночество, одиночество. Оно как нельзя лучше подходит к сырому полумраку чужого подъезда.

В. АРДОВ

МОКРОЕ ДЕЛО

(Заседание «правительства» Павелича в Хорватии)

Рис. Л. Бродаты

— Братва! Открывая заседание на новой малине, сообщаю, что мы неустанно стоим на стреме нового порядка и поэтому никакого шухера не допустим.

У кого что горит, тот про то и говорит

По какому случаю
Гитлер ходит тучею?
Слезы льет горячие:
Вышло все горячее.
Он сперва гонца зовет,
Посылает на завод
Нефти синтетической:
И такая нефть сойдет,
Раз момент критический.

Жарко встретили гонца,
Нефть сгорела до конца.
Гитлер шлет за нефтью к дуче.
Не ходил бы к дуче лучше,—
Он, сожрав Албанию,
Просит подаяния.
Гитлер шлет гонца к румыну.
Говорит ему румын:
— Что касается бензина,

Замечательный бензин!
И в Плоешти,— говорит,
И в Сулине,— говорит,
Посмотрите, как горит!
— Почему запасы тают,
Кто огонь сюда занес?..
В это время налетает
Вновь советский бомбовоз
И бомбит Румынию,

— Вот ответ на ваш вопрос!
Тут гонец повесил нос
И ушел в унынии...
Будет Гитлеру кончина,
Не уйдет он от беды,
Потому что без бензина
Ни туды и ни сюды!
М. СЛОБОДСКОЙ
Действующая армия.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 3 до 7 часов. Подписная цена на журнал — 1 р. 60 к. в месяц.

Изд-во „Правда“.

Рукописи не возвращаются

А 43907. Москва. Изд. № 1055

Подписано к печати 16/IX 1941 г.

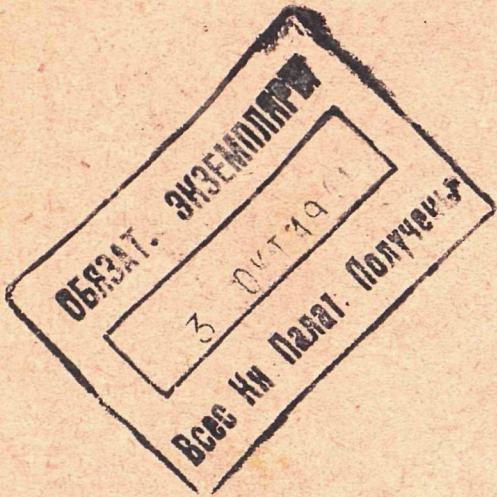
Статформат 72×105 см.

Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78000

Типография газеты „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 2678. Тираж 271 000 экз.

14273

В одном из районов Белоруссии немецкие летчики боялись бомбить мост, так как он был защищен зенитками. Когда одного из летчиков подбили, он сознался, что они труслили и сбрасывали бомбы в болото.

	Период и серии	„Лет эскадрильи“	„Журн. лет“
Получ. в ред.	4/x		
Сдан в архив	4/x 6/x		

КУКУРЫНИКСЫ - 111

Громко квакают лягушки:
— Ах, сестрицы и подружки,
Почему германский асс
Третью ночь тревожит нас?
Три фашистских самолета
Бомбы сбросили в болото,
На хвостах чернела свастика,
Разбомбили головастика,

Погубили двадцать жаб.
Тут болото, а не штаб!
Отвечает им лягушка,
Пучеглазая старушка:
— Потому фашистский асс
Третью ночь штурмует нас,
Что боится метких пушек.

Вот и губит он лягушек.
Сбросит в воду страшный груз
И домой умчится трус.
Оттого-то
Три пилота
Бомбы бросили в болото.

С. МАРШАК